

## ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ПОВОЛЖЬЕ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

© 2020 Е. А. Прокофьева<sup>1, \*</sup>, Т. А. Левченкова<sup>2, \*\*</sup>, М. М. Симонова<sup>3, \*\*\*</sup>

<sup>1</sup>Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева, Москва

<sup>2</sup>Московский государственный университет путей сообщения Императора Николая II (МИИТ)

<sup>3</sup>Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва

\* E-mail: f.ro2000-sja.pr@mail.ru

\*\* E-mail: tat-lev@yandex.ru

\*\*\* E-mail: m7230486@yandex.ru

Поступила в редакцию 20.08.2018 г.

**Аннотация.** Статья посвящена рассмотрению процесса образовательно-культурного строительства в Поволжье в первые годы советской власти. Несомненный интерес представляет региональный опыт реализации государственной политики в области культуры и образования в 20-х годах. Рассматривается общероссийский процесс с учетом региональных особенностей. Особенность этого региона в том, что он являлся многонациональным по своему составу.

**Ключевые слова:** Поволжье, поликонфессиональная страна, культурное строительство, национальные регионы, школьное образование.

**Цитирование:** Прокофьева Е.А., Левченкова Т.А., Симонова М.М. Образовательно-культурное строительство в Поволжье в первые годы советской власти // Государство и право. 2020. № 1. С. 139–144.

DOI: 10.31857/S013207690008359-6

## EDUCATIONAL AND CULTURAL CONSTRUCTION IN THE VOLGA REGION IN THE FIRST YEARS OF THE SOVIET POWER

© 2020 Е. А. Prokofeva<sup>1, \*</sup>, Т. А. Levchenkova<sup>2, \*\*</sup>, М. М. Simonova<sup>3, \*\*\*</sup>

<sup>1</sup>Mendeleev Russian University of chemical technology, Moscow

<sup>2</sup>Russian University of Transport (MIIT), Moscow

<sup>3</sup>Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

\* E-mail: f.ro2000-sja.pr@mail.ru

\*\* E-mail: tat-lev@yandex.ru

\*\*\* E-mail: m7230486@yandex.ru

Received 20.08.2018

**Abstract.** The article is devoted to the process of educational and cultural construction in the Volga region in the first years of Soviet power. Of undoubted interest is the regional experience in the implementation of state policy in the field of culture and education in the 1920s. The all-Russian process is considered taking into account regional peculiarities. The peculiarity of this region is that it was multinational in composition.

**Key words:** Volga region, multi-confessional country, cultural construction, national regions, school education.

**For citation:** Prokofeva, E.A., Levchenkova, T.A., Simonova, M.M. (2020). Educational and cultural construction in the Volga region in the first years of the Soviet power // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 139–144.

Коренные национальности поволжских регионов (Башкирии, Татарии, Мордовии, Удмуртии, Чувашии) в первые годы советской власти отставали от русского населения по количеству квалифицированных специалистов, уровню профессиональной подготовки, грамотности. Поэтому проблему воспитания национальных кадров для различных отраслей народного хозяйства, органов управления и задачи культурного подъема регионов пришлось решать одновременно. Партийное руководство на X съезде РКП (б) следующим образом определило задачу и направления культурной и образовательной политики в национальных регионах: «Помочь трудовым массам невеликорусских народов развить и укрепить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительские учреждения на родном языке; поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке для ускоренной подготовки туземных кадров квалифицированных рабочих и советско-партийных работников по всем областям управления, и прежде всего в области просвещения»<sup>1</sup>. Началась кропотливая работа по созданию культурно-просветительских, школьных, средних специальных и высших учебных заведений. Как правило, они комплектовались приезжими преподавательскими кадрами. Молодежь национальных регионов принималась в средние профессиональные учебные заведения и вузы российских городов на льготных условиях.

Одной из важнейших задач для Поволжья (как, впрочем, и для всей страны) была ликвидация неграмотности. Наибольший процент неграмотных падал на нерусское население. В Чувашии, например, подавляющее большинство местного населения (91%) к началу 20-х годов было неграмотным. Чуваши не имели ни книг, ни газет на родном языке. Такая же картина наблюдалась во всех автономиях Поволжского региона. Например, в Пензенской и Ульяновской губерниях среди мордвы грамотными были примерно 28% мужчин и 3.5% женщин, среди русских — 34.5% мужчин и 14.3% женщин; среди татар — 28.7% мужчин и 19% женщин<sup>2</sup>. По переписи 1920 г. грамотных в Марийской автономной области было 26%, в Татарии — 25%, в Чувашии — 23%.

Повсеместно стали открываться пункты по ликвидации неграмотности среди взрослого населения, одновременно велась подготовка преподавательских кадров для их комплектации, а так как Поволжье — регион полиэтнический, необходимо было готовить преподавателей, знающих родной

язык своих будущих учеников. В Татарии только в 1923—1924 гг. успешно действовал 1051 такой пункт, в Чувашии к 1925 г. — 107 пунктов, в Марийской области в эти же годы — 208 пунктов. Активно участвовали в процессе ликбеза партийные и комсомольские организации различных предприятий, ликпункты и культпросветкружки действовали на базе фабрик и заводов. Несмотря на принимаемые в первые годы советской власти, и особенно в реконструктивный период, меры, значительных успехов в ликвидации неграмотности добиться не удалось. В 1926 г. грамотность в среднем по РСФСР составляла 44%, в Поволжье же этот показатель был ниже. Данные переписи 1926 г. позволяют проследить уровень развития образования разных этнических групп Поволжского региона<sup>3</sup>. Так, в Татарии на 1926 г. среди русского населения доля грамотных составляла 42.9% (26.9% — женщины), грамотных татар было 33.4% (14.6% — женщины), чувашей — 34.5% (10.4% — женщины), в ЧАССР среди русского населения грамотных среди русских было 46.2%, чувашей — 34.5%. В Башкирии доля грамотных среди русских составляла 36.4%, среди башкир — 23.9% (женщин — 7.5%). Из числа живших в Марийской области русских грамотных было 47.1%, среди марийцев — 27% (грамотных женщин — 5%). При этом количество грамотных среди сельского населения было, естественно, ниже.

Государственные органы и общественные организации принимали большие усилия для ликвидации неграмотности в Поволжье. Чрезвычайная комиссия по ликбезу постановлением от 19 декабря 1925 г. предписывала ликвидировать неграмотность к 10-летию Октябрьской революции в 18 регионах, в том числе и в Поволжье (за исключением Самарской губернии, для которой срок отодвигался до 1933 г.). Однако, по сведениям Средне-Волжского статистического отдела, процент грамотных мужчин в 1926—1927 гг. составлял 51.3%, грамотных женщин — 25%, что было ниже среднего показателя по РСФСР (56.4% и 33.2% соответственно).

Необходимо было искать более действенные формы и методы борьбы с неграмотностью. По инициативе Саратовского коммунистического университета в 1928 г. начался культпоход «Борьба за грамотность, за новый быт». Миллионы грамотных по всей стране включились в работу. Это способствовало повышению темпов искоренения неграмотности в поволжских регионах. Исключительно успешным стал первый год культпохода в Татарии. Здесь была обучена 41 тыс. человек, что в два раза больше, чем в предыдущем году. Культпоход по Нижней Волге дал следующие результаты:

<sup>1</sup> Жизнь национальностей. Кн. I. 1923. С. 19.

<sup>2</sup> См.: ГАРФ. Ф. Р-5677. Оп. 6. Д. 25. Л. 130.

<sup>3</sup> Здесь и далее рассчитано авторами по Всесоюзной переписи населения 1926 г. Т. 3. С. 190, 191, 193, 198, 199; т. 4. С. 19, 20, 312, 313, 318, 319.

грамотность выросла с 43% в 1927–1928 учебном году, до 68% в 1928–1929 учебном году, а в 1930–1931 учебном году достигла 94%<sup>4</sup>.

Кроме созданных во всех автономиях пунктов по ликвидации неграмотности приобщение к грамоте происходило через разного рода культпросветучреждения, сеть которых действовала в Поволжье в 20-е годы. Развернулась кампания по распространению литературы на русском и национальных языках, увеличению числа библиотек, пополнению их книжных фондов. Появилось большое количество изб-читален, клубов, кружков и курсов. В Марийской области, например, к 1926 г. действовали уже 180 изб-читален. Работали 11 библиотек, 13 клубов и 70 культпросветкружков. В Чувашии к 1925 г. функционировали 5 центральных библиотек, 70 изб-читален, Клуб молодежи, Дом крестьянина, передвижная библиотека. В Татарии ещё в 1921 г. действовали 75 клубов, 399 культпросветкружков, 771 изба-читальня. Для более широкого охвата населения библиотечной работой создавались передвижные фонды, книжные базары, книжные лавки. Не будем забывать и о профсоюзных библиотеках, работавших при клубах и крупных предприятиях. Однако с точки зрения комплектации библиотечное дело оставляло желать лучшего: не хватало литературы на национальных языках. В Чувашии избы-читальни и народные дома не имели ничего кроме периодических изданий и брошюр времен «военного коммунизма». Центральные библиотеки в уездах не пополнялись новой литературой. Библиотекари Татарии с болью сетовали на то, что «по сравнению с русской, татарскую библиотеку обидно даже называть библиотекой и обидно работать в ней»<sup>5</sup>. Сказывались слабая полиграфическая база в регионе и недостатки комплектования, да и штурмовщина также имела место. Работники Чувашиздата жаловались на то, что из-за ужасного состояния полиграфической базы («комплектовалась из машин, проданных Москвой из-за их преклонного возраста») не выполняются 50% поступивших заказов. Работники марийской типографии отмечали нехватку шрифтов марийского алфавита. Бумажный дефицит и нехватка денежных средств становились причиной уменьшения тиража и увеличения интервала между выпусками периодических печатных изданий. В Чувашии, например, видное место занимала газета «Канаш». Кроме Чувашии её читали в Башкирии, Татарии, Самарской и Ульяновской губерниях. Из-за слабой технической базы её тираж постоянно

уменьшался, и в конце концов выходящую ежедневно газету стали выпускать лишь три раза в неделю<sup>7</sup>. Аналогичная судьба постигла и марийские газеты «Марийская деревня» и «Йошкар-Кэче». Понятно, что укрепление полиграфической базы стало приоритетным и легло на плечи прежде всего рабочего класса Поволжья. Так, к 1930 г. в Саранске была построена первая типография, которая через четыре года выпускала пять газет. К середине 30-х годов собственные типографии были практически во всех городах Поволжья, а народы региона обрели возможность читать газеты на родном языке.

Властные структуры в центре и на местах делали все от них зависящее, чтобы не ущемлять национальных языков и дать им возможность развиваться. Например, в Башкирии в 1923 г. появились на башкирском языке книги, учебная, методическая литература, начинает издаваться научно-педагогический журнал «Белем» («Знание») на татарском и башкирском языках, а с 1924 г. стала выходить и республиканская газета «Башкортостан».

В эти же годы началось издание книг на мордовском и марийском языках. Однако роль русского языка как средства национального общения была по-прежнему велика, хотя бы в силу существования различных языков и наречий у поволжских народов. Существовавшая при Академии наук СССР Комиссия по изучению племенного состава населения СССР отмечала, что наречия мордвы-эрзя и мордвы-мокша «не настолько разные, чтобы не понимать друг друга, но разница в произношении их настолько велика, что живущие не по соседству и не привыкшие к чужому произношению представители этих групп предпочитают во взаимных отношениях прибегать к русскому языку»<sup>8</sup>. Жившие в горных районах Марийской области горные марийцы, бывало, не понимали луговых марийцев. Правда, в данном случае дело было не в разнице произношения, как у мордвы, а в том, что вследствие долгого соседства с татарами язык горных марийцев впитал в себя много татарских слов и в силу этого часто был непонятен луговым марийцам. Руководящих работников, понимавших эти наречия, попросту не было. Только после принятия множества управленческих решений оба наречия стали целенаправленно развиваться.

Одной из составляющих культурного строительства в национальных регионах Поволжья стала образовательная политика. Трудно переоценить роль начального, среднего и специального (профессионального) образования для строящегося народно-хозяйственного комплекса.

<sup>4</sup> См.: Федосеева Л. Ю. Участие рабочих Поволжья в культурном строительстве (1926–1935 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 1994. С. 39.

<sup>5</sup> См.: ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 15. Д. 623. Л. 85.

<sup>6</sup> См.: там же. Ф. Р-5677. Оп. 5. Д. 435. Л. 128.

<sup>7</sup> См.: там же. Л. 129.

<sup>8</sup> Там же. Л. 134, 136.



В первые послереволюционные годы для увеличения численности начальных и средних школ, высших учебных заведений, профессионально-технических училищ, научно-просветительских учреждений использовалась прежняя, дореволюционная материальная база (здания и помещения, аппаратура и оборудование). Речь о строительстве новых зданий, выпуске нового оборудования даже не шла. Общей бедой всех поволжских регионов было недостаточное количество пригодных для эксплуатации школьных зданий, острая нехватка учебников на русском и национальных языках, отсутствие оборудования кабинетов и классов. Так, из 636 школ I ступени, работавших в Чувашии, собственное здание имели лишь 432 школы, остальные же работали в сдаваемых в аренду частных зданиях. Из имеющих в Башкирии школьных зданий 70% были непригодны к эксплуатации, что приводило к большой скученности детей в пригодных для этих целей помещениях. В некоторых школах республики количество одновременно обучающихся детей доходило до 70 человек (особенно часто это наблюдалось в башкирских школах, да и в русских школах ситуация была немногим лучше)<sup>9</sup>. Большинство крестьянских детей вынуждены были заниматься в холодных избах, в результате чего к концу учебного года 30–40% детей были больными и им требовалось лечение в санаториях и домах отдыха<sup>10</sup>.

Из-за общего безденежья страдала и комплектация учебных классов. Так, в Чувашии школы II ступени, техникумы, школы-восьмилетки не имели оборудованных кабинетов. Катастрофически не хватало новых методических пособий и учебных материалов. Так как количественный рост школ (число школ I ступени в Марийской автономной области в 1924–1925 гг. увеличилось с 310 до 351, школ-семилеток — с 11 до 17, аналогичные процессы происходили, например, и в Чувашии) явно превышал темпы развития полиграфической отрасли региона, национальные школы страдали от отсутствия учебников на местных языках, учебников на русском языке также не хватало. Школами Чувашии в эти годы были закуплены 13 тыс. букварей на чувашском языке вместо 20 тыс. необходимых, а из пяти положенных по норме книг чувашский ученик имел только две. Кстати, в русских школах положение было не лучшим: оснащенность учебниками составляла 1.2 книги на ученика при норме в четыре книги<sup>11</sup>.

Архивные источники содержат интересные сведения по охвату в начале 20-х годов разных

этнических групп школьным образованием. В Чувашии в общей сложности в школах II ступени русских учащихся было 62.7%, чувашских — 35.3%, прочих национальностей — 2%<sup>12</sup>. В Татарии среди учащихся школ обеих ступеней 52% составляли татары. В Башкирии рост сети школ I ступени далеко не соответствовал потребностям республики. По числу школ этого типа и количеству обучающихся в них первое место прочно занимали татары, второе — башкиры, третье — русские. В школах же II ступени положение было иное: от русских детей в количественном отношении серьезно отставали татарские и башкирские. Так, из всего количества школ II ступени в 1926–1927 гг. на долю русского населения приходилось более 65%, башкирского — 14.6%, татарского — 14.3%, остальные проценты приходились на долю прочих национальностей<sup>13</sup>.

Довольно низкий охват школьным образованием детей нерусских народов отчасти объяснялся нехваткой учительских кадров, особенно национальных. Так, по данным Всесоюзной переписи населения, на 1926 г. из имеющих в автономиях учителей большинство составляли, конечно, русские: в Маробласти работали 610 русских и 275 марийских преподавателей, в Татарии — 2714 русских и 1674 татар, в Пензенской губернии — 3120 русских и 182 педагога из мордвы, в Башкирии — 2154 русских учителя и 451 башкир; даже в Чувашии, где русских было гораздо меньше чувашей, количество преподавателей-чувашей и русских учителей было примерно одинаково (727 чувашей и 712 русских)<sup>14</sup>. Чтобы хоть как-то «утолить» кадровый голод, учителями брали тех, кто едва умел считать, но хорошо знал язык коренной национальности.

Для решения проблемы преподавания в национальных школах на родном языке Совет национальных меньшинств, входивший в состав Наркомпроса и отвечавший непосредственно за работу среди нацменьшинств, потребовал от местных органов власти принять срочные меры по введению во все учреждения национальных языков и созданию постоянно действующих учительских курсов. Особое внимание должно было уделяться подготовке сельского национального учительства.

Работники народного просвещения Поволжья испытывали те же трудности, что и педагоги всей страны. Материальное положение их было поистине бедственным. Власти регионов зачастую не торопились решать эти проблемы. Как пример — тревожные данные, поступавшие из различных кантонов Башкирии: «На погашение

<sup>12</sup> См.: там же. Л. 118.

<sup>13</sup> См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4347. Л. 247–249.

<sup>14</sup> Рассчитано авторами по Всесоюзной переписи населения 1926 г. Т. 20. С. 131, 364–377, 400, 401; т. 21. С. 95, 468–471.

<sup>9</sup> См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 270. Л. 155.

<sup>10</sup> См.: там же. Д. 288. Л. 50.

<sup>11</sup> См.: ГАРФ. Ф. Р-5677. Оп. 5. Д. 435. Л. 124.

задолженностей учителям по зарплате БашЦИК дал 27 тыс. рублей. Из них 7 тыс. «застряли» в кантисполкоме. При дальнейшем движении денег от двадцати тысяч осталось очень мало. В Тамьян-Тангуровской волости учителя не получают зарплату уже 3 месяца». Доходило до того, что деньги приходилось занимать у кулаков. Сообщалось также, что «учителя голодают» и вынуждены идти на сезонные работы<sup>15</sup>.

Даже в таких сложнейших условиях учителя поволжских регионов самоотверженно выполняли свою работу и служили на благо отечественного образования, хотя было очевидно, что без должного внимания центральной и местной властей поднять его на нужный уровень очень и очень сложно.

\* \* \*

Послереволюционное десятилетие было чрезвычайно значимым для большевистского правительства — сродни вопросу «быть или не быть». Потому советская власть, победившая на огромной территории многонациональной и поликонфессиональной страны, остро нуждалась в поддержке населявших её народов. Разработанная концепция национальной стратегии включала в себя решение задач экономического, социального, образовательного-культурного подъема народов национальных окраин и регионов страны. Поволжье было одним из таких национально и культурно многообразных регионов. Как отмечалось ранее, в сфере образования и культуры в данном регионе приоритетными были задачи развития общего и профессионального образования на национальных языках, выпуск национальных периодических изданий и литературы, культурный подъем прежде всего нерусских народов. Преградами к выполнению задуманного являлись: острая нехватка преподавателей из представителей нерусских народов либо преподавателей, знающих национальные языки, слабость полиграфической базы, старая, еще дореволюционная сеть образовательных учреждений, их материальная необеспеченность. Тем не менее в результате предпринятых центральными и местными властями структурами шагов, подвижничества труда населения Поволжья и командированных в этот регион учителей резко вырос уровень грамотности населения (особенно нерусского), расширилась сеть библиотек (стационарных и передвижных), усилилась полиграфическая база, что позволило печатать больше книг, увеличить тираж

газет и журналов как на русском, так и на языках живущих там народов. Многие поволжские народы впервые обрели возможность читать на родном языке, в полной мере развивать свои языки и наречия. Путем приоритетного и целенаправленного принятия нерусской молодежи в техникумы и педагогические училища (зачастую в ущерб русскому населению) развивалась национальная общеобразовательная и профессиональная школа, преодолелся национальный «кадровый голод», в конечном итоге формировалась та многонациональная трудовая армия, которой предстояло поднимать, развивать и модернизировать экономику поволжского региона.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 3. С. 190, 191, 193, 198, 199; т. 4. С. 19, 20, 312, 313, 318, 319; т. 20. С. 131, 364—377, 400, 401; т. 21. С. 95, 468—471.
2. ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 15. Д. 623. Л. 85.
3. ГАРФ. Ф. Р-5677. Оп. 5. Д. 435. Л. 118, 124, 128, 129, 134, 136; Оп. 6. Д. 25. Л. 130.
4. Жизнь национальностей. Кн. I. 1923. С. 19.
5. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 270. Л. 155; Д. 288. Л. 14, 15, 22, 23, 50; Д. 4347. Л. 247—249.
6. Федосеева Л. Ю. Участие рабочих Поволжья в культурном строительстве (1926—1935 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 1994. С. 39.

## REFERENCES

1. All-Union Population Census of 1926. Vol. 3. P. 190, 191, 193, 198, 199; vol. 4. 19, 20, 312, 313, 318, 319; vol. 20. P. 131, 364—377, 400, 401; vol. 21. P. 95, 468—471 (in Russ.).
2. SARF. B. P-5451. In. 15. C. 623. Sh. 85 (in Russ.).
3. SARF. B. P-5677. In. 5. C. 435. Sh. 118, 124, 128, 129, 134, 136; In. 6. C. 25. Sh. 130 (in Russ.).
4. RSASPH. B. 17. In. 21. C. 270. Sh. 155; C. 288. Sh. 14, 15, 22, 23, 50; C. 4347. Sh. 247—249 (in Russ.).
5. Life of nationalities. Book I. 1923. P. 19 (in Russ.).
6. Fedoseeva L. Yu. Participation of workers in the Volga region in cultural construction (1926—1935): abstract ... candidate of historical sciences. Penza, 1994. P. 39 (in Russ.).

<sup>15</sup> См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 288. Л. 14, 15, 22, 23.

## Сведения об авторах

**ПРОКОФЬЕВА Елена Анатольевна —**

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и политологии РХТУ им. Д.И. Менделеева; 125047 г. Москва, Миусская площадь, д. 9

**ЛЕВЧЕНКОВА Татьяна Анатольевна —**

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры «Общественные науки и профессиональная коммуникация» Юридического института Московского государственного университета путей сообщения Императора Николая II (МИИТ); 127994 г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9

**СИМОНОВА Маргарита Михайловна —**

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры «Управление персоналом и психология» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; 125993 г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49

## Authors' information

**PROKOFIEVA Elena A. —**

PhD in Historical Sciences, associate Professor, associate Professor of the Department of history and political science of Mendelev Russian University of chemical technology; 9 Miusskaya square, 125047 Moscow, Russia

**LEVCHENKOVA Tatiana A. —**

PhD of Philosophy, associate Professor, associate Professor of the Department “Social sciences and professional communication”, Law Institute of the Russian University of Transport (MIIT); 9—9 Obraztsova str., 127994 Moscow, Russia

**SIMONOVA Margarita M. —**

PhD in Social Science, associate Professor, associate Professor of the Department “Human Resource Management and Psychology”, Financial University under the Government of the Russian Federation; 49 Leningradsky avenue; 125993 Moscow, Russia